

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 812-823
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.812

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Influence of Hegelianism on the Russian Intelligentsia and the Development of Socio-Political Thought of Russia in the 19th century

Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the impact of Hegel's philosophy on the worldview of the Russian intelligentsia, which shaped the development of socio-political thought in 19th century in Russia. Primary sources include Hegel's works, as well as memoirs, letters, and articles by Russian intellectuals who either embraced or criticized the ideas of the German thinker. Hegel's systematic approach to analyzing reality, interpreting all social phenomena in their interconnectedness and development, was seen by the Russian intelligentsia as highly relevant. However, blind imitation of Hegelian ideas was not accepted in Russian intellectual discourse; instead, there was a selective adoption of elements that aligned with the intelligentsia's aspirations. The dialectical method failed to become a unifying force for Russia's thinking society. The excessive abstractness of Hegel's philosophy, recognized as a flaw by most intellectuals, led to ambiguous interpretations, fostering misunderstanding and division within their ranks. Slavophiles and Westernizers, relying on Hegelian frameworks, proposed differing, sometimes contradictory, models of socio-political development.

By the 1860s, disillusionment with philosophy in general—and Hegel's teachings in particular – arose due to shifts in Russia's socio-political climate. The intelligentsia's unrealistic expectation that theoretical philosophy should serve as a tool for solving practical national issues led to a decline in its perceived relevance. Nevertheless, Hegel's philosophy was not forgotten; the Russian intelligentsia continued to engage with it, debating and comparing their views against it throughout the 19th century.

Keywords: Hegel, philosophy, dialectics, Russia, intelligentsia, Westernizers, Slavophiles.

1. Введение

Философские воззрения, в основе которых лежит осмысление общественных проблем, являются отражением интеллектуального развития социума и общественных отношений конкретного исторического периода. Социально обусловленные вопросы, рассматриваемые философией, самым непосредственным образом связаны с развитием общественной мысли. Примером практического применения философского учения служит система Г. В. Ф. Гегеля, в основе которой лежал диалектический метод познания мира. Опираясь на учение Гегеля, К. Маркс разработал политико-экономическую систему, претворение которой в жизнь изменило ход мировой истории.

Отсутствие собственной философской системы в России побудило русскую интеллигенцию XIX в. обратить внимание на достижения западноевропейской философской мысли. В. Зеньковский отмечал, что «целые поколения попадали в плен Западу, в страстное и горячее следование его созданиям и исканиям; Россия вообще отвечала живым эхом на то, что совершалось на Западе» (Зеньковский, 2004: 15). Влияние западной философии на развитие русской общественно-философской мысли было значительным, и Гегелю в этом принадлежала лидирующая роль. От его философской системы ждали не только теоретических ответов, но и практических советов по решению жизненных вопросов, что сделало философию востребованной в русской интеллигентской

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin)

среде 1830-1840-х гг. Огарев писал: «Как религия была таинством, к которому в обычное время приступали со страхом и верою, так в наше время философия, и именно философия Гегеля» (Чижевский, 2007: 84). Объединившаяся в кружки молодёжь с увлечением изучала идеалистическую систему Гегеля, диалектический метод, основные черты которого философ обосновал в «Феноменологии духа». Стремясь проследить путь сознания от низших чувственных форм к высшим, к абсолютному знанию, Гегель рассматривал все явления как результат предшествующего развития. Суть движения он видел в наличии противоречий в вещах и явлениях, которые рассматривал в качестве источника развития: «Все вещи противоречивы в самих себе. Противоречие есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью» (Гегель, 1937: 519-520). Исходя из своего тезиса, что всё действительное разумно, Гегель обосновывал разумность исторического процесса: «Разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершается разумно» (Гегель, 1935: 10). Но конкретная реальность у Гегеля принимала форму абстрактного духа. Целью самой системы, в основе которой лежал диалектический метод, являлось достижение Абсолютного Духа, или высшей реальности, а изучение закономерностей развития духа (мышления) помогало понять закономерности мирового развития (Стретерн, 2004: 31). Считая, что историю и самого человека надо рассматривать в процессе его деятельности, в историческом развитии, Гегель саму историю представлял как развитие народных духов, а общественную жизнь – как проявление объективного духа, который проявляется через связи и отношения членов общества, представленного множеством семей.

Новизна подхода, объединение всех явлений общественной и природной жизни в одну систему делали учение немецкого мыслителя привлекательным для русской интеллигенции в течение всего XIX в. Анализ философской системы Гегеля в историческом контексте позволяет выявить степень её влияния на развитие общественно-политической мысли русской интеллигенции, повлиявшей, в свою очередь, на весь дальнейший ход развития страны.

2. Материалы и методы

Исторический контекст рассмотрения философского учения Гегеля предопределил использование в качестве основного первоисточника его труда «Философия истории», позволяющего выявить представление немецкого мыслителя о ходе развития всемирного исторического процесса (Гегель, 1935). Противоречия, из которых состоят все явления общественной жизни, рассматривались Гегелем в качестве источника развития в труде «Наука логики» (Гегель, 1937). В письме Гегеля к его русскому ученику Борису Искюлю содержится информация о восприятии им России как державы, имеющей большие перспективы для своего развития (Гегель, 1971).

В качестве первоисточников в статье также рассматриваются труды, созданные представителями российской интеллигенции XIX в. Большую ценность для исследования проблемы представляют воспоминания А. Герцена, который прошёл через серьёзное увлечение учением Гегеля (Герцен, 1964). Письма В. Белинского позволяют увидеть эволюцию отношения критика к идеям немецкого мыслителя (Белинский, 1956а; 1956б). Мемуары П. Анненкова повествуют об интеллектуальной жизни русской интеллигенции первой половины XIX в., выразившейся в её гегельянстве (Анненков, 1989). Воспоминания Е. Белова содержат сведения об увлечениях преподавателей 50-х годов философией Гегеля (Белов, 1982). Н. Чернышевский в своих статьях и рецензиях характеризовал Гегеля как мыслителя и анализировал его взгляды на развитие исторического процесса (Чернышевский, 1947, 1950). В. Короленко, Н. Шелгунов в своих воспоминаниях повествовали о влиянии учения Гегеля на Н. Чернышевского (Короленко, 1982; Шелгунов, 1982). Заслуживает внимания труд русского народника П. Лаврова «Философия и социология», в котором он, соглашаясь с гегелевским принципом историзма, критикует его догматизм, лежащий в основе учения (Лавров, 1965). П. Ткачев в своей рецензии на книгу Дж. Г. Льюиса касается взглядов русской интеллигенции на философию как науку (Ткачев, 1975).

Методологическим каркасом работы являются общенаучные принципы исследования. Взаимосвязь философских идей Гегеля и общественно-политических концепций русской интеллигенции удалось проследить с помощью системного подхода на базе диалектического метода. Принцип историзма лёг в основу анализа изменявшихся условий взаимодействия носителей общественной мысли России как внутри сообществ, так и на внешнем контуре. Из специально-исторических методов базовым явился историко-генетический, давший возможность проследить зарождение русского гегельянства и его эволюцию в процессе общественно-политических трансформаций России XIX в. Особенности и значение исторических индивидуумов в ракурсе развития идей Гегеля на русской почве позволил выявить идеографический метод.

3. Обсуждение

Существенным дополнением к источниковедческой литературе являются труды историков и философов, посвящённые исследованию вопросов влияния гегельянства русской интеллигенции на эволюцию общественно-политического осмысления действительности России. Н. Бердяев в своём

труде «Русская идея» касался вопросов эволюции общественной ментальности России 1840-х гг., анализировал изменение взглядов Белинского, его увлечение Гегелем (Бердяев, 2008). Фундаментальный характер носит труд русского богослова и философа В. Зеньковского (Зеньковский, 2004). Богатый фактический материал по исследуемой проблеме содержит работа Д. Чижевского «Гегель в России» (Чижевский, 2007). В коллективной монографии «Гегель и философия в России» освещается влияние учения Гегеля на отдельных представителей философской мысли России (ГИФВР, 1974). Альманах «Россия/Russia» посвящён вопросам влияния западной интеллектуальной мысли на русскую интеллигенцию в разные исторические периоды (P/R, 1999). Основные идеи гегелевского наследия анализируются в монографии М. Кисселя (Киссель, 1982). В монографии А. Гулыги, посвящённой анализу жизни и деятельности философа, акцентируется внимание на влиянии различных жизненных ситуаций на изменение мировоззренческих позиций мыслителя (Гулыга, 1970). Критический анализ гегелевской философии произведён М. Овсянниковым (Овсянников, 1971). Исследованию роли индивида в исторических процессах в контексте гегелевской философии духа посвящена монография К. Чепурина (Чепурин, 2011). Академиком П. Стретенном дан краткий обзор жизни и идей философа, обоснование несостоятельности учения Гегеля по многим вопросам бытия (Стретенн, 2004).

В статье Т. Коломеецовой рассматриваются особенности консервативной рецепции Гегеля в России, отразившиеся в деятельности и воззрениях Н. Станкевича, М. Бакунина, В. Белинского (Коломеецева, 2018). А. Юдин анализирует отношение П. Лаврова к учению Гегеля (Юдин, 2014). Влиянию диалектического метода на взгляды В. Соловьёва посвящена статья В. Сидорина (Сидорин, 2014). В контексте гегелевской философии как субстанции русского духа рассматривает поэзию А. Пушкина в своей статье П. Нешитов (Нешитов, 2014). Влиянию наследия Гегеля на становление мировоззрения Б. Чичерина и К. Кавелина посвящена статья М. Иванова (Иванов, 2015). Интерпретации учения Гегеля в трудах И. Ильина посвящены статьи С. Малинина, Б. Губмана (Малинин, 2014; Малинин, Губман, 2021). Вопросам поиска российской интеллигенцией путей развития страны и идейным дискуссиям среди их представителей посвящён ряд работ авторов данной статьи (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2021a).

4. Результаты

Русская общественная мысль после победы в Отечественной войне 1812 г. начинает развиваться наиболее интенсивно, чему способствовало более близкое знакомство с культурой и политико-философскими концепциями Запада. В среде российской интеллигенции росло национальное самосознание, формировалось ощущение политической мощи России. На волне патриотического подъёма в 1820-х гг. начинают образовываться кружки, члены которых мечтали о переустройстве страны. Ответы на волновавшие интеллигенцию вопросы она пыталась найти в немецкой идеалистической философии. А. Пушкин в 1835 г. писал о том, что немецкая философия была очень популярна в Москве, и поэт считал это явление благотворным (Коломеецева, 2018: 64). Через ознакомление с Кантом, увлечение Шеллингом, передовая русская интеллигенция пришла к изучению диалектики Гегеля. С гегелевской философией были знакомы декабристы, не всецело её поддерживая. А. Тургенев слушал лекции Гегеля, имел дружеские отношения с Н. Станкевичем, который изучал философию немецкого мыслителя. М. Фонвизин в своих письмах из сибирской ссылки к И. Якушкину высказывал критические замечания по поводу учения Гегеля. Первым органом, предоставившим свои страницы для обсуждения трудов Гегеля, стал журнал «Московский наблюдатель». Издатель «Телескопа» Н. Надеждин, преподававший курс логики в Московском университете, с философией Гегеля тоже, безусловно, был знаком (Коган, 1974: 53, 54, 56). В 1830–1840-е гг. создание кружков стало массовым, поскольку это отвечало потребностям интеллигенции, так как официально принятая доктрина Уварова по своей сути не соответствовала её устремлениям. С помощью философии Гегеля интеллигенция хотела найти ключ к решению политических и социальных проблем. Правительство не поощряло увлечение общества философией, расценивая упоминание Гегеля как повод к неблагонадёжности. Но, несмотря на это, философские общества и кружки в России образовывались повсеместно. В 1838 г. при университетской библиотеке в Казани образовался кружок, на заседаниях которого изучали труды Гегеля. «Целые ночи просиживали мы иногда над одной страницей, стараясь проникнуть в смысл замысловатой речи этого немецкого мыслителя... Так трудились мы, читали, рассуждали, спорили» (Чижевский, 2007: 71) – вспоминал один из участников кружка. С 1833 г. собирался философский кружок в Харькове, с 1836 г. – в Твери, им руководили братья Бакунины, которые находились под сильным влиянием своего старшего брата Михаила. Значительным было влияние учения Гегеля в Киевском университете, лицеях Одессы и Нежина. Гегельянами были профессора Московского университета П. Редкин, Д. Крюков, Т. Грановский, В. Печерин. Их взгляды разделяли С. Соловьёв, Ф. Буслаяв, К. Кавелин (Чижевский, 2007: 256).

Исключительная роль в распространении гегельянства в России принадлежала кружку Н. Станкевича, который стал одним из первых последователей Гегеля. «Друзья Станкевича были на первом плане; Бакунин и Белинский стояли в их главе, каждый с томом Гегелевской философии в

руках и с юношеской нетерпимостью...» (Герцен, 1964: 262). Под влиянием Станкевича находились Т. Грановский, поэт Кольцов, Боткин, Катков, Самарин. Становится гегельянцем И. Тургенев, который серьёзно изучал труды мыслителя. В 1842 г. он успешно сдал магистерский экзамен по философии, но под влиянием Белинского предпочтение отдал литературе. Гегельянство И. Тургенева отразилось в таких литературных произведениях, как «Рудин», «Отцы и дети», «Дым», «Гамлет Шигровского уезда» (Чижевский, 2007: 179). Образовавшийся в Москве кружок Станкевича занимался в основном теоретическими вопросами. Кружковцы штудировали труды великого учителя, который, как они считали, «разрешал все тайны мироздания, происхождение и историю всех явлений жизни... Человек не знакомый с Гегелем, считался кружком почти что не существующим человеком» (Анненков, 1989: 132). Не всем по силам было понять учение Гегеля, но «ценою убийственной головоломной работы» молодёжь стремилась попасть в кружок. Трудность восприятия не отталкивала её от учения, о колоссальной популярности которого среди интеллигенции 1840-х гг. свидетельствовал А. Герцен, вспоминая, что из Берлина доставлялась литература с малейшим упоминанием о Гегеле (Герцен, 1964: 268). Окружение Герцена больше внимания уделяло политическим и социальным вопросам. Его кружок собирался у кого-либо на квартире, чаще всего у самого Герцена. Критерием современности человека члены кружка считали его знакомого с учением Гегеля, к которому кружковцы приходили через увлечение Шеллингом. И если значение государства и истории оценивалось ими в контексте гегелевского понимания, то в оценке роли личности в историческом процессе имелись расхождения.

М. Бакунин, входивший в кружок Станкевича, гегельянство воспринимал как учение об историческом бытии, о диалектике абсолютного духа. И именно в этом аспекте гегельянство повлияло на развитие русской мысли, отразившись в проповеди Бакуниным всеобщего разрушения, защите анархизма на базе философского материализма. Идеи Бакунина впоследствии нашли своё отражение в философии Ленина и его последователей (Зеньковский, 2004: 285). Идеи, которым суждено было изменить ход исторического процесса, пройдя сложный путь трансформации и изменений, первоначально нашедшие своё выражение в трудах немецкого идеалиста, впоследствии сыграли значимую роль в исторической судьбе России. Являясь страстным пропагандистом учения Гегеля среди русских писателей и журналистов, Бакунин серьёзно работал над трудами философа, а после смерти Станкевича стал духовным вождём русского гегельянства, безапелляционно навязывая своё понимание учения Гегеля собеседникам и возводя его в ранг религии (Чижевский, 2007: 113). Бакунина привлекало строгое единство системы Гегеля, подчинение личного «я» Абсолютному Духу. Идея подчинения единичного всеобщему выразилась у Бакунина в мистическом служении некой абстракции. Положение Гегеля о неизбежности отрицания, которое соответствует духу самого Бакунина, самым непосредственным образом отразилось в его революционной деятельности (Зеньковский, 2004: 298). В целом Бакунин трактовал Гегеля весьма односторонне, выбирая из учения те положения, которые соответствовали его устремлениям.

В 1836 г. под влияние Бакунина попадает В. Белинский, который изучал Гегеля в его изложении. В 1838 г. Белинский принял издание «Московского наблюдателя», сотрудником которого становится Бакунин, таким образом, идеи Гегеля получили ещё один источник своего распространения. Журнал рассматривал русскую литературу через призму гегелевской философии. Считая, что путь к общественному благу лежит через просвещение и нравственное совершенство, Белинский относился к философии как к источнику всякого знания. Критик воспринимал учение Гегеля как важнейшее теоретическое учение, стремился применить его к действительности. Друзья указывали ему, что прямое приложение идеи к русскому миру невозможно, что это приведёт его к заблуждениям, но «Неистовый Виссарион» всегда во всем шёл до конца, сохраняя верность идее. Односторонняя трактовка этого положения привела к осложнению его отношений с Герценом, и только после признания Белинским своего заблуждения отношения наладились. По мнению П. Анненкова, подобные недоразумения были возможны «по присущему ей (системе) двоясмыслию» (Анненков, 1989: 131).

Пытаясь определить место России в системе цивилизаций, Белинский анализировал деятельность Петра I, обосновывая её историческую необходимость в свете категорий Гегеля. Его взгляды на развитие исторического процесса разделяли и члены кружка. Применял он терминологию Гегеля и при анализе литературных произведений (Чижевский, 2007: 154, 159). Белинский разделял мнение Гегеля о том, что сущность всех явлений, в том числе и общественных, заключается в идее или духе, что всё, что вокруг нас, и мы сами есть выражение вечного духа или идеи. Он понимал, что всякое явление имеет причину и следствие, что действительность, независимая от человека, определяет его положение и создаёт условия для его деятельности; был согласен с Гегелем, что всякая разумная идея в своём развитии должна воплотиться в действительности, стать фактом. Так происходило и с идеей разумного государства. Соглашаясь с формулой Гегеля, Белинский восторженно высказывался о государстве, которое воспринималось им как завершающий момент общественной жизни, поэтому он вынуждал себя принять самодержавие (Белинский, 1956b: 282). Считая, что неприятие действительности вызовет с её стороны жестокую месть, он общался с чуждыми ему людьми, общество которых его тяготило, утверждал, что жить надо

не так, как хочется, «а как начальство велит», ибо «начальство – общество гражданское» (Белинский, 1956b: 285). Следуя его логике, начальство есть действительность, следовательно, его необходимо принять в любом его виде. Однако жизнь в мировоззрение Белинского внесла свои коррективы. К 1841 г. он освобождается от влияния Гегеля. Кризис гегельянства у Белинского был связан с толкованием тезиса «всё действительное разумно». Согласившись с этим тезисом Гегеля, критик должен был принять действительность, примириться с ней. Это примирение у Белинского шло через борьбу с самим собой и было для него мучительным. Белинский постепенно переоценивает действительность и приходит к выводу, что не всё существующее разумно. Теперь он признаёт российскую действительность ужасной и не может простить себе примирения с царизмом. Такой действительности надо объявить войну и переделать её в соответствии с идеалами. В 1841 г. он писал В. Боткину, что теперь думает по-другому, чем год назад: «...я теперешний болезненно ненавижу себя прошедшего» (Белинский, 1956b: 23). Претензии Гегеля на абсолютный характер своих истин кажутся Белинскому теперь беспочвенными, и он больше не придерживался отвлечённых схем Гегеля, не мирился с действительностью, признавая, однако, что история – это закономерный процесс, а характер действительности объективен. Белинский преодолел влияние Гегеля, его идеализм и консервативные взгляды на социально-политическую систему разумности. Белинский сумел сочетать философские идеи с идеями революционными, не соглашаясь при этом с Гегелем в оценке человеческой личности; он относился к человеку как вершине развития природы, его волновала проблема личности и общества. Идеи персонализма подводят Белинского к идеям утопического социализма во имя личности. Он склонялся к либерализму с признанием необходимости социальных реформ, отвергая метафизику Гегеля (Зеньковский, 2004: 311-312). Взгляды и убеждения Белинского для российской действительности имели весомое значение, так как круг его читателей был весьма широк. Герцен свидетельствовал, что в дни публикации очередной статьи Белинского среди столичной молодёжи наблюдался настоящий ажиотаж (Герцен, 1964: 274).

А. Герцен, идеи которого носили более радикальный характер, начал изучать Гегеля после возвращения в 1842 г. из ссылки в Москву. Европу он рассматривал как воплощение социальных идеалов, поэтому ознакомление русской интеллигенции с философскими идеями Запада отвечало его устремлениям. Ценность учения Гегеля он видел в диалектике, которая должна помочь обосновать необходимость революции и торжество социалистических идей. Для него важно было движение русской мысли к материализму, атеизму, социализму. Герцен считал, что «философия Гегеля – алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека» (Герцен, 1964: 268). В своих рассуждениях Герцен опирался на диалектику Гегеля, который признавал, что действительность есть результат деятельности субъекта. Французская революция, современником которой Гегель был, по мнению мыслителя, есть результат сознания, практическое воплощение теоретических рассуждений Эпохи Просвещения. Следовательно, революцию необходимо воспринимать как закономерное явление, так же как и террор, последовавший за ней, и критикуемый Гегелем (Овсянников, 1971: 63). Разрабатывая диалектику, рассматривая революцию как скачок в развитии, Гегель опирался на общественные явления. Русская демократически настроенная интеллигенция гегелевский закон перехода количественных изменений в качественные рассматривала в контексте закономерности скачка, которая доказывала неизбежность революции. И если Белинский признавал закономерность исторического процесса, то Герцен признавал её импровизированный характер и считал, что из множества возникает действительность; соответственно, в истории нет закономерности, это неупорядоченный процесс (Чижевский, 2007: 236). Идея «случайности» противопоставляется Герценом идее «разумности» Гегеля; им предлагается категория «возможностей», которая предполагает разработку различных вариантов развития (Зеньковский: 344). Из системы Гегеля, как и Бакунин, Герцен брал только то, что ему было нужно. Идея случайности в развитии природы и бытия противопоставляется им гегелевскому рационализму (Зеньковский: 332). Как и у Белинского, у Герцена преодоление гегельянства было связано с проблемами личности. Если первоначально под влиянием Гегеля он видел роль личности в служении Абсолютному Духу через познание, то впоследствии он высказывается за полную свободу личности, против её подчинения кому-либо или чему-либо. Собственные мысли Герцена развиваются не в рамках гегельянства, а в противопоставлении ему. Если случайное у Гегеля занимает незначительное место, то у Герцена ему отводится роковая сила. Ценным для Герцена у Гегеля было то, что философ пытался всё объяснить с помощью разума, что освобождало ум от мистики. По Гегелю, разум господствует в мире, а это значит, что и история как процесс имеет разумную основу. Но события реальной жизни разрушили веру в разумность истории. Герцен верил, что Россия может прийти к социализму через соединение быта русской общины и западной мысли. Споря со славянофилами, он утверждал, что западная мысль может быть усвоена в России. Опираясь на Гегеля, полагал, что истина не есть только результат, а представляет собой некий процесс. И поэтому Россия не должна пройти через все фазы европейского развития, она может воспользоваться результатами европейской мысли (Герцен, 1964: 267).

К 1842 г. кружок Станкевича распался, произошло окончательное разделение на два лагеря: западников и славянофилов, которые по-разному толковали учение Гегеля. Для западников был

характерен социально-политический радикализм. Герцен утверждал, что если бы Станкевич остался жив, то он непременно бы примкнул к западникам. Взгляды Герцена и Огарева поддерживали молодые учёные Московского университета во главе с Т. Грановским. Герцена и Огарева больше занимали вопросы переустройства жизни на новых социальных началах. Их интересовали не абстрактные философские построения, а осмысление действительности. Гегелевское тождество бытия и мышления воспринималось ими как диалектическая взаимосвязь процесса и объекта познания. Для славянофилов тождество бытия и мышления было абсолютным (Абрамов, 1974: 118). В 1830 г. И. Киреевский слушал лекции Гегеля в Берлине по истории философии, встречался и беседовал с философом. В то время многие русские студенты изучали немецкую философию непосредственно в Германии. Киреевский рекомендовал отчиму выписать «Энциклопедию» Гегеля: «Здесь вы найдете столько любопытного, сколько не представляет вся новейшая немецкая литература вместе взятая. Ее трудно понять, но игра стоит свеч» (Зеньковский, 2004: 247). Но гораздо большее влияние на него оказали труды отцов православной церкви. Православная культура, по мнению Киреевского, должна заменить собой культуру Запада. Воплощая в жизнь идею универсального синтеза, вернувшись в Москву, он приступил к изданию журнала «Европеец», задача которого заключалась в сближении русской и европейской культур. К 1845 г. Киреевский, который хотел построить учение о познании, не отрывающееся от реальности, делает вывод, что философия Гегеля принадлежит прошлому, она уже не вызывает новых мыслей, что это последняя ступень, на которую поднялась немецкая философия, являющейся предшественницей русской философии (Чижевский, 2007: 39).

А. Хомяков видел главный недостаток немецкой философии в её идеализме, в оторванности теории от практики. В своих статьях он критиковал идеализм Гегеля, противопоставляя ему онтологизм в учении о познании, которое носит религиозный характер (Зеньковский, 2004: 225). Ю. Самарин и К. Аксаков сразу попали под влияние Гегеля, испытывая одновременно и значительное влияние Хомякова. У Самарина было сильно развито национальное самосознание, в силу которого он непрестанно защищал идею русского своеобразия. Тщательно изучая труды Гегеля, он пытался, используя его схемы, обосновать историческую роль православия. В 1844 г. Самарин защитил диссертацию, материал которой был продуман и систематизирован на основе схем, сложившихся под влиянием Гегеля. Рассуждения Гегеля о восточном деспотизме он использовал в ходе анализа истории Древней Руси. Считая, что личная свобода в Древней Руси была развита, самодержавие он рассматривал как отрицание этой свободы (Чижевский, 2007: 208). Преодолев влияние Гегеля на основе его же схем, Самарин постепенно встаёт на путь самостоятельных философских исканий. К. Аксаков познакомился с философией Гегеля в студенческие годы и начал её продвигать в славянофильской среде. В западниках ему претило отрицание русского прошлого. Закон отрицания Гегеля он перелагал на русскую историю, считая, что Пётр I совершал отрицание русской субстанции (Чижевский, 2007: 200). Позже Самарин и Аксаков вообще отошли от философии.

В 1850-1860-е гг. гегелевская философия утратила былое влияние. В пореформенной России укрепился радикализм, центральной идеей которого становится социализм. Новое поколение вступило в оппозицию к своим предшественникам, выступая против идеализма и голосуя за реализм. Назрела настоятельная необходимость решить, наконец, социальные вопросы, прежде всего крестьянский и национальный. Философия, оторванная от жизни, по мнению просвещённой молодёжи, была не способна дать ответы на волнующие её вопросы. Ответы она искала в истории и точных науках. Е. Белов, служивший вместе с Н. Чернышевским в Саратовской гимназии, вспоминал, что, так как в университетах современная история не преподавалась, это «заставляло с особым жаром бросаться на всякую книжку и интересоваться новейшей историей». Вокруг толкования исторических событий возникали жаркие споры. Далее он пишет, что «в другом государстве о таких спорах не было бы нужды и упоминать; но у нас из этих споров, чисто теоретических возникали часто практические результаты» (Белов, 1982: 145). Особенность менталитета русской интеллигенции проявлялась в стремлении непременно воплотить в жизнь теорию или идею, овладевшую сознанием. Философия не могла предоставить гарантий для воплощения своих теорий в жизни. По мнению П. Ткачева, это означало, что «философия потеряла свой кредит в глазах каждого здравомыслящего человека: никто уже не верит в ее шарлатанские обещания... Серьёзно заниматься философией может теперь или человек полупомешанный, или дурно развитый, или крайне невежественный» (Ткачев, 1975: 109).

Идейным вождём нового направления в развитии общественной мысли становится Н. Чернышевский, современник которого Н. Шелгунов, характеризуя его, писал, что тот знал и помнил всё, «начиная Гегелем и Фейербахом и кончая лубочными французскими романами» (Шелгунов, 1982: 178). Он утверждал, что «Чернышевский готовил себя к учёной карьере... он был человеком критического ума с социально-политической подкладкой и революционером мысли» (Шелгунов, 1982: 177). Знакомство Н. Чернышевского с трудами Гегеля, который его сначала разочаровал, началось во время его учёбы в Петербургском университете в 1846–1850 гг. Чернышевский утверждал, что человек, не имеющий понятия о гегелевской философии, не может считаться просвещённым. Считая себя социалистом, он думал о революционном переустройстве общества, необходимости классовой борьбы, его волновали вопросы возможности революции в России, теоретическое обоснование которой он искал в трудах Гегеля. Гегелевскую идею развития он

рассматривал на фоне революционных событий в Европе 1848-1849 гг. Определяя своё отношение к Гегелю, Чернышевский утверждал, что мыслитель принадлежит уже истории, что хорошо видны недостатки гегелевской системы, его принципы иногда не соответствуют сделанным им же выводам. Но при этом принципы Гегеля «действительно, были очень близки к истине, и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразительной силой» (Чернышевский, 1947: 206-207). Чернышевский писал: «Гегель – умеренный либерал, чрезвычайно консервативный в своих выводах, но принимающий для борьбы против крайней реакции революционные принципы в надежде, не допустив до развития революционный дух...» (Чернышевский, 1950: 223). Консерватизм Гегеля он усматривал в его отказе от революционной борьбы при решении социальных вопросов. Опираясь на диалектику Гегеля, Чернышевский приходит к выводу, что общественная собственность на землю является первой степенью развития, частная собственность выступает как средняя степень развития, которая неизбежно заменяется высшей степенью – общественной собственностью на землю и другие средства производства, повторяющей некоторые формы первобытных отношений (Евграфов, 1974: 150). Используя гегелевский закон отрицания отрицания, Чернышевский высказывался за крестьянскую революцию, считая, что революция отрицает отжившее, а крестьянская община позволит построить в России социализм без прохождения стадии капитализма. Его взгляды и убеждения имели огромное влияние на умонастроения в стране. Роль гегелевского учения в формировании мировоззрения Чернышевского также не подвергается сомнению. Таким образом, философия Гегеля опосредованным образом, благодаря авторитету Чернышевского, оказала весомое влияние на развитие российской общественной мысли. По свидетельству В. Короленко, лично знавшего Чернышевского, критик верил в силу разума, считая, что «вся история – есть не что иное, как смена разных силлогизмов, смена, происходящая по схеме Гегеля» (Короленко, 1982: 402). Короленко приводил его высказывание: «Докажите мне, что это не так, что положение, антитеза и синтез Гегеля не имеют места в истории, – и я уступаю вам по всем пунктам нашей полемики» (Короленко, 1982: 403). Сибирская ссылка не изменила философских взглядов Чернышевского, он остался им верен до конца.

Несмотря на то, что в 1860-е гг. выходят на повестку дня социальные вопросы, требующие деятельного участия в их разрешении, верность учению до конца сохранили некоторые гегельянцы, среди них были Н. Страхов, Б. Чичерин. Приехавший в Петербург теоретик народничества П. Лавров был удивлён тем, что в столице Гегель был ещё не забыт; он считал учение философа устаревшим, не отвечавшим духу эпохи. В контексте учения Гегеля П. Лавров, воспринимая историю как поступательный процесс и результат человеческого разума, признавал гегелевский принцип историзма, который он понимал как учение о развитии. Главную заслугу мыслителя он видел в развитии диалектического принципа, при этом Лавров отмечал, что стремление Гегеля к максимальному синтезу, при котором в свою систему он включал различный эмпирический материал, приводило к двусмысленности, и поэтому каждый находил в учении своё: «Реалист верил, что восходит к феноменологии духа... Мистик погружался в безусловное... Любитель отвлечённостей не мог не верить, что всё сущее есть только логический процесс мысли» (Лавров, 1965: 298-299). С этим утверждением Лаврова был вполне согласен Н. Бердяев, считавший, что «на его (Гегеля) философию одинаково опирается консерватизм и революционный марксизм» (Бердяев, 2008: 108). Критикуя Гегеля, Лавров ставил под сомнение универсальность оторванной от жизни системы, сомневался в возможности с её помощью познать сущность вещей. Гегелевский универсализм, по его мнению, носил характер догматизма, так как в основе гегельянства лежала вера (Лавров, 1965: 89). Законы диалектики Гегеля, как законы универсальные, были использованы в «Капитале» К. Марксом (Юдин, 2014: 152). Учение Маркса в России со временем превратилось в догмат. Таким образом, гегельянство русской интеллигенции можно рассматривать в качестве теоретического источника марксизма. Рассматривая философию Гегеля как явление историческое, отвечающее потребностям конкретной эпохи, Лавров считал, что к концу века она утратила своё значение и влияние на умы людей. Убеждённый в том, что необходимо перейти от теоретического мышления к делу, к учению Гегеля он подходил избирательно, используя только те идеи, которые были близки его мировоззрению.

Далеко не всё в учении Гегеля было однозначно воспринято К. Кавелиным и Б. Чичериным. Разделяя идеи философа о закономерности развития всемирно-исторического процесса, оба мыслителя считали Россию достойным его участником, тогда как немецкий философ отводил ей в нём второстепенную роль (Иванов, 2015: 109). Во время войны 1812 г. сочувствие Гегеля было полностью на стороне Наполеона, которого он считал выдающейся личностью, и поражение которого тяжело переживал. С русскими солдатами он никогда не сталкивался лично, ограбили его австрийские солдаты, но разные небылицы он рассказывал именно о русских (Гулыга, 1970: 107). И поэтому не симпатией со стороны Гегеля к России, а скорее констатацией факта можно объяснить написанное им в письме к своему ученику Борису Исклюю: «Отечество ваше занимает такое выдающееся место во всемирной истории, имея без сомнения, ещё более великое предназначение» (Гегель, 1971: 407). И если другие государства достигли уже пика своего развития, то «Россия же, уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди прочих, в лоне своём заключает небывалые возможности развития своей интенсивной природы» (Гегель, 1971: 407). Используя гегелевские

схемы развития и применяя их к русской истории, Кавелин, не отказывая России в своеобразии, считал, что именно прошлое народа определяет пути его развития.

Всю свою жизнь считал себя гегельянцем Н. Страхов. В духе Гегеля он осмысливал и русскую действительность, считая, что историю движет «внутренний дух народа». Страхов писал статьи о Гегеле и его значении для русской культуры, которые печатал в журнале, издаваемом братьями Достоевскими. И если Ф. Достоевский в какой-то степени откликался на воззрения Страхова относительно учения Гегеля, взгляды которого отчасти нашли своё отражение в монологах Ивана Карамазова, то Л. Толстого, несмотря на все свои старания, Страхов заинтересовать философией Гегеля не смог. Для писателя это была плохая философия. Он считал, что Гегель – «слабый мыслитель» и его произведения – это «пустой набор фраз» (Чижевский, 2007: 360), Гегелю он предпочитал Канта и Шопенгауэра. Оппонентом Страхова на страницах печати стал М. Катков, в прошлом сам гегельянец. Теперь Катков утверждал, что России философия вообще не нужна, что вся европейская наука находится под влиянием системы Гегеля, так как в системе своих исследований она использует его методы. Причину упадка философии в России он видел в отходе от системы Гегеля. Катков считал, что, так как новой системы создано не было, то необходимо либо отказаться от философии вообще, либо принять систему немецкого философа (Чижевский, 2007: 305, 321).

Несмотря на критическое отношение к учению Гегеля со стороны значительной части русской интеллигенции второй половины XIX в., оно ею не было забыто и продолжало оказывать влияние на образ мыслей отдельных её представителей. В своей революционной деятельности на учение Гегеля опирался Г. Плеханов. Главное достижение философа он видел в обосновании им закона о единстве и борьбе противоположностей как источника движения и развития. Плеханов рассматривал с точки зрения диалектики борьбу партий и классов. Но отмечал при этом, что есть противоположности, которые не сливаются в единое, например, пролетариат и буржуазия. Соответственно, в этом случае гегелевская диалектика не работала. Опираясь на закон перехода количества в качество, Плеханов был убеждён в возможности скачков в развитии природы и общества. В общественной жизни таким скачком являлась революция. Считая, что учение Гегеля дало толчок для развития всех гуманитарных наук, он утверждал, что оно носит при этом консервативный характер, который Плеханов усматривал в том, что философ претендовал на абсолютную истину. Гегель был против радикальных перемен в обществе, он высказывался за ценности семьи, профессиональных объединений и парламентское правление. Преподавателей и студентов, настроенных радикально, Гегель называл «свободолюбивым сбродом» (Гулыга, 1970: 131). Нелицеприятную оценку философии Гегеля давал Шопенгауэр, его коллега по Берлинскому университету: «В целом гегелевская философия состоит на три четверти из чистой бессмыслицы, а на одну четверть из продажных идей. Нет лучшего средства для мистификации людей, как выложить перед ними нечто такое, что невозможно понять» (Гулыга, 1970: 131, 149).

Несмотря на в целом критическое отношение к учению Гегеля русской интеллигенции 1890-х гг., стремление осмыслить традиции прошлого заставило её снова обратить своё внимание на наследие философа. В 1892 г. В. Соловьев написал статью для словаря Брокгауза-Ефрона, в которой дал мыслителю высокую оценку. Однако идею Гегеля о диалектическом развитии он переосмыслил в соответствии со своими целями и задачами. Критикуя его за панлогизм, применяя при этом гегелевский диалектический метод, русский философ пытался создать свою систему (Сидорин, 2014: 77). П. Струве, напротив, характеризовал гегельянство как «абсолютно ни к чему ненужное и совершенно несостоятельное» (Пустарнаков, 1974: 210). С. Трубецкой считал гегельянство стержнем, вокруг которого должна объединиться современная русская философия. И. Ильин в 1910-х гг. заговорил о возрождении гегельянства в России. В процессе изучения трудов философа складывается его собственное мировоззрение, основанное на отвержении гегелевского пантеизма и панлогизма (Малинин, Губман, 2021: 108). Обращались к наследию Гегеля в своих трудах В. Розанов и П. Лосский. Русская интеллигенция, относясь к философии Гегеля в разные исторические периоды развития страны по-разному, в течение всего XIX в. продолжала обращаться к его учению, которое сыграло значительную роль в развитии общественной мысли России, оказав тем самым влияние на перспективы её развития.

5. Заключение

Влияние философии Гегеля на формирование миропонимания российской интеллигенции XIX в. обуславливалось созданным им диалектическим методом, который привлекал её своей системностью и новизной подхода. Впервые все явления и предметы рассматривались в своём развитии как части единого целого. Исторические, политические, экономические, биологические, эстетические, психологические, физические, религиозные, юридически-правовые процессы, происходившие в действительности, были рассмотрены комплексно и представлены в своём развитии, то есть сама действительность была представлена в качестве некой системы. Такой подход при объяснении действительности делал возможным диалектический метод, отрицающий ограничения в развитии частей, составляющих целое.

Изучение философии Гегеля способствовало умственному развитию российского общества. Однако влияние учения немецкого философа на представителей интеллигенции было различным. На степень воздействия его идей влияло уже сложившееся мировоззрение, личностные качества характера представителей интеллигенции. Как правило, при рассмотрении гегелевской системы из неё выбирались аспекты, наиболее полно отвечавшие собственным устремлениям исследователей. Каждый находил в ней то, что искал. Этим объясняется широкая популярность учения в 1830–1840-е гг., когда для русской интеллигенции, стремившейся изменить мир через просвещение философией Гегеля, она стала способом постижения истины, явилась ответом на запросы времени. Иногда увлечённость гегелевской философией доходила до фанатичной преданности системе, как это произошло с М. Бакуниним, необузданный темперамент которого сделал его самым последовательным проводником идей Гегеля среди русской интеллигенции. Мучительны были поиски истины, которую он хотел познать через учение Гегеля у В. Белинского. Критик прошёл тяжёлый путь душевных сомнений и терзаний, от полного приятия учения и восторга перед ним до критического к нему отношения и полного отрицания отдельных его положений. Совсем не принял учение Л. Толстой, однако в своих произведениях использовал диалектический метод для анализа конфликтных ситуаций. Многие представители интеллигенции, такие как К. Кавелин и Ю. Самарин, со временем отошли не только от Гегеля, но и от философии вообще. Но в любом случае со стороны русской интеллигенции не было слепого следования учению. В нём она искала подтверждение своим догадкам и мыслям. Самобытность и своеобразие русской общественной мысли проявлялись в оригинальной трактовке учения. Практически все русские мыслители, изучавшие философию Гегеля, признавали за ней излишнюю отвлечённость, которую они расценивали как недостаток, порождавший возможность двусмысленных толкований.

Расцвет философской мысли сменился её кризисом. Эпоха 1850–1860-х гг. требовала перехода от осмысления действительности к действию. Философия же, являясь теоретической наукой, не предлагала практических решений, которых от неё требовали последователи учения Гегеля. Чрезмерные ожидания и требования привели к разочарованию. Однако к учению Гегеля обращались, у него искали подтверждения своим мыслям и воззрениям фактически все представители русской гуманитарной элиты последующих десятилетий XIX в.

Сыграв значительную роль в развитии общественно-политической мысли России XIX в., учение Гегеля не способствовало консолидации интеллектуальных сил страны. Отношение русской интеллигенции к его философии основывалось на признании заслуг немецкого мыслителя как основателя системного восприятия действительности. Но само толкование учения разделило современников и поставило их в непримиримые отношения по решению социальных и политических вопросов. Увлечение Гегелем способствовало углублению разрыва между славянофилами и западниками, во взглядах которых и внутри самих течений не наблюдалось единства. Подмена Гегелем реальности абстрактной идеей Абсолютного Духа приводила к тому, что за ней не признавалось никакой ценности, как, впрочем, и за индивидом, её создававшим. Практически все русские мыслители, для которых личностное начало всегда было в приоритете, расходились в оценке человеческой личности с Гегелем, для которого она представляла интерес не сама по себе, а лишь как часть исторического процесса. Эта гибельная идея и догматическое толкование учения Гегеля Марксом, заимствованное впоследствии русскими революционерами, имела для России трагические последствия.

Литература

- Абрамов, 1974 – Абрамов А.И. Н. П. Огарев и гегелевская философия / *Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.* М., 1974. С. 107-122.
- Анненков, 1989 – Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. 688 с.
- Белинский, 1956a – Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. XII. Письма 1841-1848. М., 1956. 596 с.
- Белинский, 1956b – Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. XIII. М., 1956. 826 с.
- Белов, 1982 – Белов Е.А. Воспоминания / Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 137-151.
- Бердяев, 2008 – Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008. 318 с.
- Гегель, 1929–1959 – Гегель Ф. Сочинения в 14 т. М.; Л., 1929–1959.
- Гегель, 1935 – Гегель Ф. Сочинения в 14 т. Т. VIII. Философия истории. М.; Л., 1935. 470 с.
- Гегель, 1937 – Гегель Ф. Сочинения в 14 т. Т. V. М., 1937. 814 с.
- Гегель, 1971 – Гегель Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 2. М., 1971. 630 с.
- Герцен, 1964 – Герцен А.И. Избранные произведения. М., 1964. 464 с.
- ГИФВР, 1974 – Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в. М., 1974. 264 с.
- Гулыга, 1970 – Гулыга А.В. Гегель. М., 1970. 272 с.
- Евграфов, 1974 – Евграфов В. Е. Чернышевский и Гегель / *Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.* М., 1974. С.123-163.
- Зеньковский, 2004 – Зеньковский В.В. История русской философии. Ростов н/Д, 2004. 544 с.

- Иванов, 2015 – Иванов М.Ю. Философия русской истории К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина и наследие Г. В. Ф. Гегеля // *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*. 2015. № 3. С. 109-114.
- Киссель, 1982 – Киссель М.А. Гегель и современный мир. Л., 1982. 152 с.
- Коган, 1974 – Коган Л.А. Из предыстории гегельянства в России // *Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.* М., 1974. С. 52-68.
- Коломейцева, 2018 – Коломейцева Т.С. Рецепция Гегелевской философии в России в 1830-х годах // *Наука. Искусство. Культура*. 2018. 4 (20). С 60-72.
- Короленко, 1982 – Короленко В.Г. Воспоминания о Чернышевском // *Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников*. М., 1982. С. 398-413.
- Лавров, 1965 – Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1965. 752 с.
- Малинин, 2014 – Малинин С.А. Гегелевское учение о взаимосвязи абсолютного и конкретного в интерпретации И. А. Ильина // *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*. 2014. Вып. 1. С. 193-199.
- Малинин, Губман, 2021 – Малинин С.А., Губман Б.Л. И. А. Ильин и Г. В. Ф. Гегель: народный дух и устои государства // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2021. № 4. С. 107-116.
- Нешитов, 2014 – Нешитов П.Ю. Формула русской философии: Гегель плюс Пушкин // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Т. 15. 2014. Вып. 1. С. 188-198.
- Овсянников, 1971 – Овсянников М. Ф. Гегель. М., 1971. 223 с.
- Пустарнаков, 1974 – Пустарнаков В.Ф. Г. В. Плеханов и диалектика Гегеля // *Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.* М., 1974. С. 208-226.
- Р/Р, 1999 – Россия / Russia. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. 152 с.
- Сидорин, 2014 – Сидорин В.В. В. С. Соловьев и Г. В. Ф. Гегель: диалектические аспекты «Философских начал цельного знания» // *Соловьевские исследования*. 2014. 2 (42). С. 67-79.
- Стретерн, 2004 – Стретерн П. Гегель за 90 минут. М., 2004. 77 с.
- Ткачев, 1975 – Ткачев П.Н. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М., 1975. 665 с.
- Чепурин, 2011 – Чепурин К.В. Философская антропология Гегеля. Симферополь, 2011, 143 с.
- Чернышевский, 1947 – Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15 томах. Т. 3. Статьи и рецензии. 1853-1855. М., 1947. 884 с.
- Чернышевский, 1950 – Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15 томах. Т. 7. Статьи и рецензии. 1860-1861. М., 1950. 1096 с.
- Чижевский, 2007 – Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб., 2007. 411 с.
- Шелгунов, 1982 – Шелгунов Н.В. Первоначальные наброски // *Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников*. М., 1982. С. 176-186.
- Юдин, 2014 – Юдин А.И. П. Л. Лавров и Г. Ф. Гегель: позитивизм и абсолютизированный рационализм // *Альманах современной науки и образования*. 2014. № 5-6 (86). С. 151-155.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38 (4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F. et al. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16 (2): 652-660.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G. et al. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16 (3): 1299-1307.

References

- Abramov, 1974 – Abramov, A.I. (1974). N. P. Ogarev i gegelevskaya filosofiya. Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v. [N. P. Ogarev and Hegelian philosophy. Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX century. – the 20s of the XX century]. Moscow, pp. 107-122. [in Russian]
- Annenkov, 1989 – Annenkov, P.V. (1989). Literaturnye vospominaniya [Literary memoirs]. Moscow, 688 p. [in Russian]
- Belinskii, 1956a – Belinskii, V.G. (1956). Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. T. XII. Pis'ma 1841-1848 [Complete works: In 13 volumes Vol. XII. Letters from 1841-1848]. Moscow, 596 p. [in Russian]
- Belinskii, 1956b – Belinskii, V.G. (1956). Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. T. XIII [Complete works: In 13 volumes Vol. XIII]. Moscow, 826 p. [in Russian]
- Belov, 1982 – Belov, E.A. (1982). Vospominaniya. N. G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov [Memoirs. N. G. Chernyshevsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, pp. 137-151. [in Russian]
- Berdyaev, 2008 – Berdyaev, N.A. (2008). Russkaya ideya [The Russian idea]. Saint Petersburg. 318 p. [in Russian]
- Chepurin, 2011 – Chepurin, K.V. (2011). Filosofskaya antropologiya Gegelya [Philosophical anthropology of Hegel]. Simferopol'. 143 p. [in Russian]

- Chernyshevskii, 1947** – *Chernyshevskii, N.G.* (1947). Poln. sobr. soch. v 15 tomakh. T. 3. Stat'i i retsenzii. 1853-1855 [Complete collected works in 15 volumes. Vol. 3. Articles and reviews. 1853-1855]. Moscow. 884 p. [in Russian]
- Chernyshevskii, 1950** – *Chernyshevskii, N.G.* (1950). Poln. sobr. soch. v 15 tomakh. T. 7. Stat'i i retsenzii. 1860-1861 [Complete collected works in 15 volumes. Vol. 7. Articles and reviews. 1860-1861]. Moscow. 1096 p. [in Russian]
- Chizhevskii, 2007** – *Chizhevskii, D.I.* (2007). *Gegel' v Rossii* [Hegel in Russia]. Saint Petersburg. 411 p. [in Russian]
- Evgrafov, 1974** – *Evgrafov, V.E.* (1974). *Chernyshevskii i Gegel'. Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v.* [Chernyshevsky and Hegel. Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX – the 20s of the XX centuries]. Moscow, pp. 123-163. [in Russian]
- Gegel', 1929–1959** – *Gegel' F.* (1929–1959). *Sochineniya v 14 t.* [Essays in 14 volumes]. Moscow; Leningrad. [in Russian]
- Gegel', 1935** – *Gegel', F.* (1935). *Sochineniya v 14 t. T. VIII. Filosofiya istorii* [Essays in 14 volumes Vol. VIII. Philosophy of History]. Moscow; Leningrad. 470 p. [in Russian]
- Gegel', 1937** – *Gegel', F.* (1937). *Sochineniya v 14 t. T. V* [Essays in 14 volumes Vol. V]. Moscow. 814 p. [in Russian]
- Gegel', 1971** – *Gegel', F.* (1971). *Raboty raznykh let. V dvukh tomakh. T. 2.* [Works from different years. In two volumes. Vol. 2]. Moscow, 630 p. [in Russian]
- Gertsen, 1964** – *Gertsen, A.I.* (1964). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow. 464 p. [in Russian]
- GIFVR, 1974** – *Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v.* [Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX century. – the 20s of the XX century]. Moscow, 1974. 264 p. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2021** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G. et al.* (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2021** – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16 (2): 652-660.
- Gulyga, 1970** – *Gulyga, A.V.* (1970). *Gegel' [Hegel]*. Moscow. 272 p. [in Russian]
- Ivanov, 2015** – *Ivanov, M.Yu.* (2015). *Filosofiya russkoi istorii K. D. Kavelina i B. N. Chicherina i nasledie G. V. F. Gegelya* [The Philosophy of Russian History by K. D. Kavelin and B. N. Chicherin and the legacy of G. V. F. Hegel]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya»*. 3: 109-114. [in Russian]
- Kissel', 1982** – *Kissel', M.A.* (1982). *Gegel' i sovremennyyi mir* [Hegel and the modern world]. Leningrad. 152 p. [in Russian]
- Kogan, 1974** – *Kogan, L.A.* (1974). *Iz predystorii gegel'yanstva v Rossii. Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v.* [From the prehistory of Hegelianism in Russia. *Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX century – the 20s of the XX century*]. Moscow, pp. 52-68. [in Russian]
- Kolomeitseva, 2018** – *Kolomeitseva, T.S.* (2018). Retseptsiya Gegelevskoi filosofii v Rossii v 1830-kh godakh [The reception of Hegelian Philosophy in Russia in the 1830s]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 4(20): 60-72. [in Russian]
- Korolenko, 1982** – *Korolenko, V.G.* (1982). *Vospominaniya o Chernyshevskom. N. G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov* [Memories of Chernyshevsky. N. G. Chernyshevsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, pp. 398-413. [in Russian]
- Lavrov, 1965** – *Lavrov, P.L.* (1965). *Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh. T. 1* [Philosophy and sociology. Selected works in two volumes. Vol. 1]. Moscow. 752 p. [in Russian]
- Malinin, 2014** – *Malinin, S.A.* (2014). Gegelevskoe uchenie o vzaimosvyazi absol'yutnogo i konkretnogo v interpretatsii I. A. Il'ina [The Hegelian doctrine of the relationship between the absolute and the Concrete as interpreted by I. A. Ilyin]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya»*. 1: 193-199. [in Russian]
- Malinin, Gubman, 2021** – *Malinin, S.A., Gubman, B.L.* (2021). I. A. Il'in i G. V. F. Gegel': narodnyi dukh i ustoi gosudarstva [I. A. Ilyin and G. V. F. Hegel: the national spirit and the foundations of the State]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 4: 107-116. [in Russian]
- Neshitov, 2014** – *Neshitov, P.Yu.* (2014). Formula russkoi filosofii: Gegel' plus Pushkin [Formula of Russian philosophy: Hegel plus Pushkin]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 15(1): 188-198. [in Russian]
- Ovsyannikov, 1971** – *Ovsyannikov, M.F.* (1971). *Gegel' [Hegel]*. Moscow. 223 p. [in Russian]
- Pustarnakov, 1974** – *Pustarnakov, V.F.* (1974). *G. V. Plekhanov i dialektika Gegelya. Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v.* [G. V. Plekhanov and the dialectic of Hegel. Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX century. – the 20s of the XX century]. Moscow, pp. 208-226. [in Russian]

R/R, 1999 – Rossiya/Russia. Vyp. 2 (10): Russkaya intelligentsiya i zapadnyi intellektualizm: istoriya i tipologiya [Russia/Russia. Is. 2 (10): Russian intelligentsia and western intellectualism: history and typology]. Moscow, 1999. 152 p. [in Russian]

Shelgunov, 1982 – Shelgunov, N.V. (1982). Pervonachal'nye nabroski. N. G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov [Initial sketches. N. G. Chernyshevsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, pp. 176-186. [in Russian]

Sidorin, 2014 – Sidorin, V.V. (2014). V. S. Solov'ev i G. V. F. Hegel': dialekticheskie aspekty «Filosofskikh nachal tsel'nogo znaniya» [V. S. Solovyov and G. V. F. Hegel: Dialectical aspects of the "Philosophical principles of integral knowledge"]. *Solov'evskie issledovaniya*. 2(42): 67-79. [in Russian]

Stretern, 2004 – Stretern, P. (2004). Hegel' za 90 minut [Hegel in 90 minutes]. Moscow. 77 p. [in Russian]

Tkachev, 1975 – Tkachev, P.N. (1975). Sochineniya v 2 tomakh. T. 1 [Essays in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, 665 p. [in Russian]

Yudin, 2014 – Yudin, A.I. (2014). P. L. Lavrov i G. F. Hegel': pozitivizm i absolyutizirovannyi ratsionalizm [P. L. Lavrov and G. F. Hegel: Positivism and absolutized Rationalism]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 5-6 (86): 151-155. [in Russian]

Zen'kovskii, 2004 – Zen'kovskii, V.V. (2004). Istoriya russkoi filosofii [The history of Russian philosophy]. Rostov-na-Donu. 544 p. [in Russian]

Влияние гегельянства русской интеллигенции на развитие общественно-политической мысли России XIX в.

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния учения Гегеля на мировоззрение русской интеллигенции, которое определило развитие общественно-политической мысли России XIX в. В качестве первоисточников использованы труды Гегеля, а также воспоминания, мемуары, письма, статьи представителей русской интеллигенции, разделявших и критиковавших идеи немецкого мыслителя. Системный подход Гегеля в анализе действительности, объяснение всех явлений общественной жизни в их взаимосвязи и развитии оценивались русской интеллигенцией как актуальные. Слепое копирование гегелевских идей не допускалось в российском интеллектуальном дискурсе, происходила сепарация элементов учения и принятие тех из них, которые отвечали устремлениям интеллигенции. Дialeктический метод не смог стать объединяющим началом для думающего российского общества. Излишняя отвлечённость учения, признаваемая как его недостаток большинством представителей интеллигенции, способствовала двусмысленности его толкований, что, в свою очередь, вносило недопонимание и разобщённость в её ряды. Славянофилы и западники, опираясь на схемы Гегеля, предлагали разные, порой взаимоисключающие варианты общественно-политического развития. Разочарование в философии в целом и в учении Гегеля в частности в 60-е годы XIX в. было обусловлено изменением общественно-политической обстановки в России. Необоснованное требование интеллигенции к носящей теоретический характер философии как к инструменту решения практических вопросов, стоящих перед страной, привело к разочарованию в философии как актуальной науки. Однако учение Гегеля не было предано забвению, русская интеллигенция обращалась к нему, спорила, сверяя с ним свои взгляды на протяжении всего XIX в.

Ключевые слова: Гегель, философия, диалектика, Россия, интеллигенция, западники, славянофилы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин)